

Литературная Россия. 1998. 17 июля (№ 29) - с. 16

ЧЕХОВ: ПО МОТИВАМ СУДМЕДЭКСПЕРТИЗ

Корней Иванович Чуковский, говоря о различных сторонах творчества А. П. Чехова, писал: «... Будет уместно отметить еще одну чудесную черту в психическом облике Чехова. Черта эта определяла собой характер всего его творчества. Эту черту я назвал бы: максимализм правдивости». Правдивость писателя Чехова произрастала из глубокого и подробного знания многообразия жизни и быта героев его произведений.

Общеизвестно, что в сентябре 1884 года по окончании медицинского факультета Московского университета Антон Павлович был утвержден в звании уездного врача. В круг его обязанностей входило и участие в судебно-медицинских экспертизах... И Чехов-прозаик в ряде произведений использовал опыт Чехова-судмедэксперта.

Имеются сведения, что после окончания медицинского факультета А. П. Чехов собирался защитить докторскую диссертацию на тему «Врачебное дело в России». В этой незавершенной работе он предпринял, в частности, интересную попытку с помощью медицинских данных найти определенные подходы к решению исторической загадки — смерти царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного.

Как известно, царевич Дмитрий, согласно официальной версии, нечаянно нанес себе ножом рану в область шеи — к такому заключению пришла комиссия боярина Шуйского. По упорно же ходившим слухам, царевич Дмитрий был злодейски зарезан людьми, подсланными Борисом Годуновым.

А. П. Чехов прекрасно понимал, что смерть Дмитрия — не бытовая трагедия, а историческая драма. Врача Чехова не мог не заинтересовать чисто судебно-медицинский вопрос: мог ли царевич причинить смертельное колото-резаное ранение шеи собственной рукой? 17 марта 1890 года он пишет

Суворину: «Насчет падучей можно прочесть в любом учебнике по нервным болезням, а также и (для исследователя это нужно) в соответствующем отделе судебной медицины, но Вы не специалист, не разберетесь в медицинском хаосе. Я возьму клочок бумаги и вкратце набросаю Вам все, что нужно, и объясню, буде сумею. Зарезать себя мальчик мог. Известно ли, какой нож у него был в руках?»

А спустя много лет учеными было установлено, что это был действительно несчастный случай. Что это? Прозрение великого писателя, какое-то наитие или же просто опыт судебно-медицинского эксперта? Скорее всего и первое, и второе, и третье, вместе взятые. В том же письме Суворину А. П. Чехов пишет: «Но главное — падучая у него была наследственная, которая была бы у него в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был в самом деле самозванцем, так как падучей у него не было». Таким образом, А. П. Чехов как эксперт провел еще и своеобразную идентификацию личности самозванца.

В произведениях Антона Павловича нельзя оспорить ни одной судебно-медицинской детали. Например, в повести «Степь» читаем: «Одному купцу руку отхватило, так тот, сказывают, версты четыре без руки бежал и под самым Куликовым его на бережочке нашли. Сидит на корточках, голову на колени положил, словно задумавшись, а поглядели — в нем души нет, помер». Возможно ли версты четыре «без руки» бежать? Неспециалисту может показаться, что это авторское преувеличение, художественный вымысел. Но одна лишь эта фраза свидетельствует, что писатель прекрасно знал возможности к совершению самостоятельных действий смертельно раненных, а это может подсказать лишь обширная судебно-медицинская практика.

Занятия судебной медициной служили источником новых впечатлений, нашедших отражение в творчестве писателя. На станции Прогонной брат убил брата... В рассказе, так и названном «Братоубийство», А. П. Чехов пишет: «Допрашивали прежде всего Якова... он показал, что Матвей в понедельник под вечер ушел в Веденяпино говеть и что, должно быть, дорогой его убили пильщиками, работающие теперь по линии. А когда следователь спросил его... почему около него (Матвея) на дороге на снегу не нашли ни одной капли крови, в то время как голова у него была проломлена и лицо и грудь были черны от крови, Яков смутился, растерялся...» Писатель хорошо знает, что отсутствие следов крови на месте обнаружения трупа с признаками наружного кровотечения свидетельствует о перемещении тела. Следовательно, убийство произошло не в том месте, где обнаружен труп одного из братьев.

Незаметно для читателя писатель, врач, судебный медик, психолог сливаются в А. П. Чехове в единое целое. «Уездный врач и судебный следователь ехали в один хороший весенний полдень на вскрытие» — так начинается рассказ «Следователь». Доктор рассеянно вслушивается в слова следователя: «...Я знаю одну очень интеллигентную даму, которая предсказала себе смерть и умерла без всякой видимой

причины именно в названный ею день». «Надо бы было вскрыть ее, — заметил доктор. — Не от предсказания своего же она умерла. Отравилась, по всей вероятности». В дальнейшем выясняется, что эта молодая женщина, жена следователя, натура сильная, страстная, будучи беременной, узнала об измене мужа. Автор задает точный, буквально прицельный вопрос: «А что раньше было: измена мужа или появление идеи о смерти?» Оказывается, что она стала говорить о смерти именно вскорости после этого случая. «Ну, вот видите ли... По всей вероятности, она тогда же решила отравиться, но так как ей, вероятно, вместе с собой не хотелось убивать и ребенка, то она отложила самоубийство до родов», — рассудил доктор.

Здесь все: и психологический анализ, и четкая следственная версия о роде смерти — самоубийстве, и экспертная оценка ее причины — отравление. Так может написать лишь человек, хорошо знавший судебную медицину.

Незадолго до смерти Антон Павлович заметил: «...В искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает».

А. МАСЛОВ,
судебно-медицинский эксперт,
кандидат медицинских наук,
доцент